

Стасов В.В.

**Серебряное восточное блюдо Императорского
Эрмитажа.**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 62
ББК 65

Стасов В.В.

Серебряное восточное блюдо Императорского Эрмитажа.: / Стасов В.В. – М.: Книга по Требованию, 2011. – 82 с.

ISBN 978-5-458-00614-9

ISBN 978-5-458-00614-9

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011
© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серебряное Восточное блюдо вл. Эрмитажн.

СЕРЕБРЯНОЕ ВОСТОЧНОЕ БЛЮДО ИМПЕРАТОРСКАГО ЭРМИТАЖА.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ,

Председателю Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества,
съ глубочайшею преданностью посвящает свой трудъ

Авторъ.

Въ мартѣ 1899 года, профессоръ Н. П. Кондаковъ повезъ меня въ музей Эрмитажа, чтобъ показать мнѣ одно серебряное блюдо, только что за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ приобрѣтенное Эрмитажемъ отъ солепромышленника И. П. Лаврова и найденное въ Пермскомъ краѣ, около села Григорьевскаго, Соликамскаго уѣзда, при раскопкѣ пашни.

Я увидѣлъ небольшое серебряное блюдо, круглое, 5-ти вершковъ въ діаметрѣ, внутри котораго рѣзьбой и чеканкой выполнено 3 малыхъ круга, по $2\frac{3}{4}$ вершка каждый, представляющіе три картины на евангельскіе сюжеты: „Распятіе“, „Воскресеніе“ и „Вознесеніе“; въ промежуткахъ между встрѣчающимися кругами изображены: на право наверху, „апостоль Петръ“ и пѣтухъ, на лѣво вверху: „стража у гроба І. Хр.“, по серединѣ внизу „Даніилъ Пророкъ со львами“. Работа всѣхъ этихъ сюжетовъ—крайне грубая, можно сказать—вполнѣ

варварская, до того варварская, что, кажется, во всемъ Эрмитажѣ нѣтъ ни одного художественнаго произведенія болѣе дикаго. И, однако же, это блюдо представляетъ очень большой интересъ.

Представленная на немъ сцена явно—копія съ сочиненія первоначально византійскаго, и очень древняго времени, но всѣ византійскія формы и подробности подверглись здѣсь необычайнымъ измѣненіямъ со стороны мало-умѣлаго художника, принадлежащаго къ какому-то древнему, мало цивилизованному народу. Отъ этого нашимъ глазамъ это блюдо представляетъ много безобразія и странностей, но вмѣстѣ не мало особенностей, характерныхъ по своей національности.

При разсматриваніи этого блюда, я узналъ, что оно называется „Сирійскимъ“, и получило это названіе оттого, что вырѣзанныя на немъ, въ разныхъ мѣстахъ, надписи написаны на сирійскомъ языкѣ.

Но, тщательно осмотрѣвъ блюдо, я сразу тотчасъ же пришелъ къ заключенію, и тутъ же высказалъ его профессору Н. П. Кондакову, что, по моему убѣжденію, блюдо это—не сирійское, а по стилю, всѣмъ подробностямъ и работѣ, принадлежитъ совершенно иной азіатской національности.

Къ такому заключенію я былъ приведенъ съ перваго же взгляда тѣмъ, что въ теченіе 70-хъ и 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія я долженъ былъ пересмотрѣть и изучить очень значительное количество произведеній древне-сирійскаго искусства, скульптурныхъ и живописныхъ, при изданіи моего „Славянскаго и Восточнаго орнамента“: при этомъ пересмотрѣлъ рисунки и миниатюры рѣшительно всѣхъ сирійскихъ рукописей, отъ VI до XIX вѣка, принадлежащихъ коллекціямъ Британскаго музея, въ Лондонѣ, Национальной бібліотеки, въ Парижѣ, Лаврентіанской бібліотеки, во Флоренціи, Ватиканской Барберинской бібліотеки, въ Римѣ. Это изученіе образовало во мнѣ такое представленіе о формахъ и подробностяхъ древне-сирійскаго искусства, которому вовсе не соответствовали формы и подробности, представляемая такъ называемымъ „сирійскимъ“ блюдомъ Эрмитажа.

Тутъ же я впервые узналъ, что блюдо это было уже изучено и подробно изслѣдовано, по приглашенію г. предсѣдателя Императорской археологической комиссіи, графа А. А. Бобринскаго, тремя извѣстными русскими учеными: профессоромъ Д. А. Хвольсономъ, профессоромъ Н. В. Покровскимъ и приватъ-доцентомъ Я. И. Смир-

новымъ. Изъ нихъ первый взялъ на себя трудъ прочтенія и объясненія сирійскихъ надписаній, второй — описаніе иконографическихъ изображеній, третій—подробное описаніе блюда и сравненіе его съ соответственными памятниками искусства византійскаго и восточнаго.

Вскорѣ послѣ того, въ теченіе 1899-го года, изслѣдованіе это вышло въ свѣтъ въ изданіи „Матеріалы по археологін Россіи“, публикуемомъ „Императорскою археологическою комиссіею“, № 22, подъ заглавіемъ: „Серебряное Сирійское блюдо, найденное въ Пермскомъ краѣ“. С.-Петербургъ, 1899, 4°, съ одной таблицей и 11 рисунками въ текстѣ.

Я нашелъ въ этомъ изслѣдованіи новое и яркое выраженіе тѣхъ высокихъ качествъ, которыхъ нельзя было не ожидать, уже заранѣе, отъ такихъ замѣчательныхъ, давно обладающихъ прочною общепризнанною репутаціею ученыхъ, какъ Д. А. Хвольсонъ, Н. В. Покровский и Я. И. Смирновъ. Они представили и здѣсь, какъ всегда прежде, великую, достойную всякаго уваженія массу знанія, множество любопытныхъ и драгоцѣнныхъ свѣдѣній, рядъ остроумныхъ и важныхъ изслѣдованій, соображеній и догадокъ, и все это представляеть богатую жатву для науки.

Тѣмъ не менѣе, мнѣ казалось, что, не взирая на все это научное богатство, изслѣдованіе, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, оставалось не вполне законченнымъ, а нѣкоторые вопросы—еще не затронутыми. Поэтому я пришелъ къ убѣжденію, что хорошо и полезно было бы позаботиться о новомъ, особенно подробномъ изслѣдованіи сирійскихъ надписей Эрмитажнаго блюда, въ связи съ этими фактами. Со своей просьбой о новомъ разсмотрѣніи я рѣшился обратиться къ извѣстному нашему ученому, профессору С.-Петербургскаго университета П. К. Коковцеву, который, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, оказалъ мнѣ, съ великою обязательностью и добротой, огромную помощь при изданіи моего „Славянскаго и Восточнаго орнамента“, въ отдѣлѣ, посвященномъ сирійскому искусству.

Профессоръ П. К. Коковцевъ съ прежнею неогрѣненной готовностью и симпатіею принялъ, и на этотъ разъ, мою просьбу и занялся изученіемъ Эрмитажнаго блюда со стороны палеографической и лингвистической. Результатомъ его изученія явилась записка, представляемая здѣсь ниже. Профессоръ Коковцевъ въ конечныхъ результатахъ своихъ пришелъ къ выводамъ, очень близко соприкасавшимся съ моими собственными выводами о происхожденіи и національности Эрмитажнаго блюда, и потому я былъ, конечно, очень счастливъ,

встрѣтивъ такую громадную поддержку моимъ мыслямъ со стороны извѣстнаго русскаго ученаго, такое косвенное подтвержденіе фактовъ, являвшихся результатомъ моихъ наблюденій надъ этимъ блюдомъ.

Замѣчу, что я придавалъ, при этомъ, особенное значеніе Эрмитажному блюду потому, что признавалъ его совершенно исключительнымъ среди множества другихъ серебряныхъ блюдовъ Эрмитажа и иныхъ коллекцій. Я признавалъ его случайно появившимся теперь примѣромъ такого художественнаго производства, которое, повидимому, издревле существовало въ извѣстныхъ мѣстностяхъ Востока, но, по скудости уцѣлѣвшихъ до нашего времени образцовъ, мало или почти вовсе не было извѣстно европейскимъ археологамъ и восточникамъ и, покуда, еще не занимаетъ никакого мѣста на страницахъ исторіи искусства Востока. По моему мнѣнію, Эрмитажное блюдо даетъ возможность сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ для распознанія этого восточнаго стиля и изученія этого восточнаго производства.

Къ концу 1899 года существеннѣйшія части предпринятаго мною изученія Эрмитажнаго блюда были приведены къ настолько удовлетворительной, по моему мнѣнію, полнотѣ, что я счелъ возможнымъ представить свои соображенія на судъ русскихъ ученыхъ. Эти свои замѣтки я прочелъ въ засѣданіи Общества любителей древней письменности 31-го марта 1903 года.

I.

Палеографія и ореографія сирійскихъ надписей на серебряномъ блюдѣ съ христіанскими изображеніями Императорскаго Эрмитажа.

(Мнѣніе проф. П. К. Козовцева).

В. В. Стасовъ обратился ко мнѣ съ просьбой высказать мое сужденіе касательно сирійскихъ надписей на блюдѣ съ христіанскими изображеніями Императорскаго Эрмитажа, разобранныхъ уже и переведенныхъ проф. Д. А. Хвольсономъ въ „Матеріалахъ по археологіи Россіи, издаваемыхъ Императорскою археологическою комиссіею“ (№ 22. С.-Петербургъ 1899 г.). Съ удовольствіемъ отвѣчая на этотъ обращенный ко мнѣ запросъ, я представляю здѣсь, въ дополненіе къ сказанному объ этихъ надписяхъ проф. Д. А. Хвольсономъ, результаты

своего собственного, произведеннаго мною нарочно съ этой цѣлью, внимательнаго изслѣдованія надписей.

Касательно времени надписей я не въ состоянїи, основываясь на однихъ палеографическихъ данныхъ, высказаться съ какой-либо опредѣленностью. Мнѣ кажется, что пока это даже невозможно. Палеографія сирійскихъ *надписей*, въ противоположность палеографїи сирійскихъ *рукописей*, находится еще, можно сказать, въ зачаточномъ состоянїи и располагаетъ слишкомъ ничтожнымъ числомъ болѣе или менѣе твердо установленныхъ фактическихъ данныхъ. Въ какомъ положенїи въ настоящее время стоитъ дѣло въ этой области семитической эпиграфики, можно ясно видѣть изъ слѣдующихъ поучительныхъ словъ лучшаго знатока сирійской эпиграфики, проф. Захау, высказанныхъ имъ по поводу трехъ найденныхъ имъ въ Карьетонѣ (въ Сирїи) надписей. Я привожу ихъ въ интересахъ дѣла in extenso: „Rücksichtlich der Schrift ist zu bemerken, dass C und A das gewöhnliche Estrangelo ohne besonders charakteristische Merkmale bieten. Dagegen sind in B die Formen des Alef und Tau insofern beachtenswerth, als die erstere bereits die Stufe des Sertô, der Jacobitischen Cursive, darstellt... Während nun aber die Kriterien der Schrift für die Beurtheilung von Handschriften relativ sichere Schlussfolgerungen ermöglichen, halte ich es für bedenklich dieselben in gleicher Schärfe auf Inschriften anzuwenden, weil wir hier der Controle durch ein umfangreiches Vergleichs-Material ermangeln und immerhin die Möglichkeit im Auge behalten müssen, dass für Inschriften die ältere Schrift länger im Gebrauch geblieben sein kann als im Gebrauch der Schreiber von Handschriften. Auf alle Fälle dürften A und C älter sein als das 9. christliche Jahrhundert, B dagegen etwas jünger“ ¹⁾. Такимъ образомъ, единственно возможной при настоящемъ положенїи дѣла датировкой надписи, писанной *обыкновеннымъ и не представляющимъ никакихъ особенно характерныхъ признаковъ эстрангело*, проф. Захау считаетъ, повидимому, только датировку *до или послѣ IX-го вѣка*, смотря по тому, въ какой степени данное *эстрангело* приближается къ *sertô*, или яковитскому письму.

¹⁾ Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Gesellsch. Bd. XXXIV, 1884, p. 545. Съ 1884 года положеніе дѣла почти не измѣнилось, такъ какъ новыхъ *датированныхъ* надписей изъ древняго времени не было найдено. Изъ числа сирійскихъ надписей, сообщенныхъ В. Морпомъ въ „Westasiatische Studien“ (= Mittheilungen des Seminars für Orient. Sprachen zu Berlin. Zweite Abtheilung), 1898, стр. 124—149, — большинство ихъ было найдено въ 1885 г.—только пять имѣютъ точную дату (двѣ принадлежатъ къ VIII вѣку, а три къ XV вѣку).

Надписи на блюдѣ Императорскаго Эрмитажа писаны, на мой взглядъ, именно такимъ обыкновеннымъ и не представляющимъ никакихъ особенно характерныхъ чертъ *эстранело*. За исключеніемъ неустойчивости почерка и нѣкоторой неуклюжести формъ буквъ, единственной особенностью письма нашихъ надписей можно считать, пожалуй, начертаніе буквы *hē* (ⲉ), начертаніе, свойственное исключительно курсиву древняго *эстранело* V—VII вѣковъ и обычное въ позднѣйшемъ письмѣ сирійцевъ, какъ въ такъ называемомъ яковитскомъ письмѣ (*serid*), такъ и въ ново-несторіанскомъ. Только курсивная форма буквы *hē* составляетъ, по моему мнѣнію, дѣйствительно характерную особенность *эстранело* нашихъ надписей, такъ какъ другія буквы, рѣзко отличающіяся въ курсивномъ сирійскомъ письмѣ, напр. буквы *amaḥ* (за исключеніемъ развѣ одного случая, см. ниже), *damat* и *reim*, удержали на нашемъ блюдѣ свою древнюю, некурсивную форму ¹⁾. Если эта единственная особенность можетъ служить вообще палеографическимъ критеріумомъ, то она во всякомъ случаѣ не говоритъ въ пользу особенной древности надписей. По крайней мѣрѣ, фактическія данныя сирійской палеографіи скорѣе противъ этого. Курсивная форма буквы *hē* встрѣчается только въ тѣхъ, и слѣдуетъ прибавить, весьма немногихъ древнихъ рукописяхъ VI—VII вѣковъ, которыя писаны курсивомъ. Къ числу ихъ принадлежитъ напр. извѣстная рукопись 509 года по Р. X. въ Британскомъ музеѣ (*Wright, Catal. pl. IV*) и нѣкоторыя другія. Большинство древнѣйшихъ рукописей писаны не курсивомъ, а болѣе крупнымъ и отчетливымъ письмомъ,—въ отличіе отъ курсивнаго его можно называть уставнымъ,—и буква *hē* въ послѣднемъ имѣетъ, какъ извѣстно, иную, болѣе древнюю форму (ⲉ). Не встрѣчается курсивное *hē* и въ древнѣйшихъ датированныхъ сирійскихъ надписяхъ V—VI вѣковъ. Мы не находимъ его ни въ эдесской надписи 494 года (*Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Ges. XXXVI, 1882, стр. 159*), ни въ трехъязычной надписи изъ Зебеда 512 года (*Monatsber. d. königl. Preuss. Akad. d. Wiss. zu Berlin, 1882, стр. 180 слѣд.*). Изъ датированныхъ надписей VIII вѣка, надпись изъ Учъ-

¹⁾ Это послѣднее обстоятельство, слѣдуетъ замѣтить, ничего не говоритъ о болѣе или менѣе древности нашихъ надписей, такъ какъ такія древнія, некурсивныя формы буквъ *damat* и *reim* встрѣчаются, какъ извѣстно, и въ довольно позднихъ надписяхъ. Онѣ, напр., находятся въ надписи 781 года изъ Си-нган-фу и въ сирійско-несторіанскихъ надписяхъ XIII—XIV вѣковъ изъ Семирѣченской области; см. таблицу проф. Эйтинга (*Euting*), приложенную къ труду Д. А. Хвольсона „*Syrisch-nestorianische Grabinschriften*“ etc. (1890 г.).

кнѣссѣ 766—767 года имѣеть только уставную, не курсивную форму *hē* (Westasiat. Studien, I. c.), но въ известной двуязычной надписи изъ Си-нган-фу 781 года мы встрѣчаемъ и ту, и другую форму ¹⁾. Наконецъ, въ сирийско-несторіанскихъ надписяхъ изъ Семирѣченской области, большинство которыхъ относится къ XIII—XIV вѣкамъ, уже исключительно употребляется курсивная форма *hē* ²⁾. Эти фактическія данныя палеографіи сирийскихъ надписей, касающіяся начертанія буквы *hē*, повидимому, указываютъ на весьма медленное распространеніе курсивнаго *эстранило* въ эпиграфическихъ памятникахъ, сравнительно съ рукописями, и поэтому скорѣе могутъ говорить въ пользу болѣе поздней датировки нашихъ надписей, чѣмъ наоборотъ ³⁾. Употребленное одинъ разъ начертаніе буквы *алабъ*, почти тождественное съ формой этой буквы въ яковитскомъ курсивѣ (о чемъ см. дальше), также не позволяетъ отнести наши надписи къ числу древнихъ. Я все же не рѣшился бы, однако, на этомъ основаніи категорически утверждать, что онѣ относятся, напримѣръ, приблизительно къ IX вѣку или около этого времени, а предпочелъ бы ограничиться пока однимъ безспорнымъ результатомъ изъ всего вышесказаннаго, именно, что *палеографическія данныя сами по себѣ не даютъ твердой опоры для опредѣленія древности сирийскихъ надписей на серебряномъ блюде Императорскаго Эрмитажа*.

Съ гораздо большею увѣренностью и опредѣленностью, мнѣ кажется, можно высказаться объ исполненіи надписей на нашемъ блюдѣ. Едва ли кто-либо рѣшится оспаривать тотъ фактъ, что наши

¹⁾ Я основываюсь на указанной выше таблицѣ проф. Эйтинга, приложенной къ сочиненію „Syrisch-nestorianische Grabinschriften etc.“ Д. А. Хвольсона. На имѣющихся въ моемъ распоряженіи снимкахъ надписей изъ Си-нган-фу, приложенныхъ къ статьямъ Ламе и Гюлюй (Gueluy) въ трудахъ Бельгійской Академіи Наукъ, т. LIII, 1896, мнѣ не удалось найти уставной формы *hē*.

²⁾ Изъ древнихъ не-датированныхъ надписей курсивное *hē* имѣеть только известное „Отче нашъ“ въ Дейр-эл-бахари (въ Египтѣ), которое Райтъ относитъ, исключительно на основаніи данныхъ палеографіи *рукописей*, къ VI вѣку; см. „Sitzungsberichte d. königl. preuss. Akad. d. Wiss. zu Berlin“, 1887, стр. 416. Однако, слѣдуетъ замѣтить, что этотъ текстъ писанъ (притомъ дѣйствительно *малисамъ*, а не *выразомъ съ камня*) вообще сплошнымъ курсивомъ.

³⁾ Курсивная форма буквы *алабъ* встрѣчается также, какъ известно, уже въ древнихъ, писанныхъ курсивомъ, рукописяхъ VI—VIII вѣковъ, но именно присутствіе этой курсивной формы въ одной изъ карьстенскихъ надписей побудило, повидимому, проф. Захау считать послѣднюю *моложе IX вѣка* (Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Ges., XXXVIII, 1884, стр. 545).

надписи исполнены не только не художественно и не изящно, въ смыслѣ красоты письма, но даже просто грубо, а въ отношеніи орфографіи до крайней степени небрежно. Бросается въ глаза также какая-то неуверенность и шаткость въ начертаніи отдѣльныхъ буквъ, выражающаяся въ необыкновенномъ разнообразіи формъ для одной и той же буквы. Это обстоятельство, равно какъ и употребленіе въ одномъ случаѣ для буквы *алафъ* начертанія совершенно неизвѣстнаго въ сирійскомъ письмѣ какой бы то ни было эпохи, наводитъ на предположеніе, что писавшій наши надписи не твердо зналъ начертаніе сирійскихъ буквъ. Мы предоставляемъ всѣмъ судить самимъ о слѣдующихъ особенностяхъ, замѣчающихся въ исполненіи нашихъ надписей:

1) Три раза въ концѣ словъ опущена буква, безусловно необходимая, съ точки зрѣнія сирійской орфографіи и грамматики. Именно, слова *ܐܠܡܒܘܬܐ* „распятіе“—въ правомъ медальонѣ, *ܡܘܕܐܠܝܬܐ* („Магдалина“)—въ лѣвомъ медальонѣ и *ܡܘܨܝܘܬܐ* „воскресеніе“—тамъ же, написаны съ опущеніемъ характерной для сирійской формы status emphaticus буквы *алафъ*, т. е. *ܐܠܡܒܘܬܐ* *ܐܠܡܒܘܬ*, *ܡܘܕܐܠܝܬܐ* и *ܡܘܨܝܘܬܐ*. Это опущеніе, конечно, можетъ быть объясняемо, въ двухъ первыхъ случаяхъ, недостаткомъ мѣста, а въ послѣднемъ словѣ, желаніемъ вырѣзавшаго надписи—оставить незадѣтымъ письменами изображеніе креста, въ верхній конецъ котораго упирается слово *къмта*. Но самый фактъ не говорить, во всякомъ случаѣ, въ пользу особеннаго усердія и старательности писавшаго, такъ какъ ясно показываетъ, что буквы вырѣзались не по предварительнымъ наброскамъ и на намѣченныхъ заранѣе мѣстахъ, а сразу на-удачу, какъ придется. При такомъ веденіи работы вполне естественно, что вырѣзавшій постоянно рисковалъ не умѣстить сполна всѣ необходимыя буквы и слова на выбранномъ имъ мѣстѣ, и оказывался иногда въ необходимости сдавливать и сжимать до крайности слова (какъ это и случилось, напримѣръ, въ словѣ *ܡܘܕܐܠܝܬܐ*), и даже опускать конечныя буквы словъ. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ замѣтить, что такое неполное правописаніе упомянутыхъ сирійскихъ словъ производитъ весьма непріятное впечатлѣніе, приблизительно такое же, какое произвели бы на русскаго читателя начертанія: „распяти“, „Магдалин“ и „воскресені“.

2) Менѣе бросается въ глаза, хотя тоже необычно, опущеніе буквы *юдъ* въ словѣ *ܡܫܝܚܐ* „Христосъ“—въ надписи